

Тге одумаем гуна

Александр Смирнов

Где обитает душа

<https://litres.ru/73767404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодые люди встречаются через двадцать лет после выпускного дня на старом излюбленном месте в беседке, где прошла вся их юность. Где они встретили первую любовь, первое разочарование, противостояние и, пройдя через все испытания, сохранили дружбу. Воспоминания заново заставляют героев пережить многие моменты, заново посмотреть на них. Всё это заставляет каждого задуматься, где и когда его душа перестала быть главной силой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Где обитает душа

Глава

ОТ АВТОРА

Всматриваясь в своё отражение, мы часто видим взгляд наших глаз, погружённый в повседневную суету событий, которые нам кажутся жизненно важными и необходимыми. Мы уже не видим, мы совсем забыли, озорного мальчишку, мелькнувшего перед зеркалом, рукой на ходу поправляя растрёпанные волосы, или девчонку, рассматривающую первые веснушки, подарок весеннего солнца. Молодого человека с твёрдым взглядом, нервно поправляющего впервые надетый галстук, решившегося на признание в любви. Девушку, в своём первом бальном — выпускном платье крутящуюся вокруг себя, со всей строгостью оценивая наряд: сегодня всё должно быть безупречно, она решилась.

Мы ищем виновника наших побед и поражений, не понимая, что это причина и следствие становления нашего характера в юности.

Когда мы стали терять себя?

Где произошёл разрыв между душой и сознанием?

И как нам найти себя настоящих.

ГЛАВА 1 АНДРЕЙ

Эта история могла произойти в небольшом райцентре или тихом уютном городском поселении, с его самобытным и неспешным образом жизни, с утопающим в зелени летом, а зимой в снегу, с его стихийными огородами и сараюшками, с неизменным очагом культуры возле местного клуба, памятником Ленину и фонтаном. Дружно выстроившиеся вдоль окружной магистрали крупного мегаполиса, его малоэтажные домишки будто замерли в ожидании, словно девушки на

выданные, когда богатый жених обратит на них внимание.

Многим из нас эти места близки сердцу, здесь мы родились, помним молодыми наших родителей, встретили первую любовь, здесь по-юношески мечтали, строили грандиозные планы, совершали бездумные поступки, набивали шишки, закаляли характер. Это наша малая родина, здесь всё рядом. Сейчас мы взрослые, у многих уже дети. Мы погрузились в житейский круговорот и забыли, кто мы и откуда, стали терять незримую связь с нашим местом силы.

Но в жизни происходят события, которые, как импульс изнутри, возвращают нас в те беззаботные времена, когда нам казалось всё просто, заставляя заново переживать забытые чувства. И душа пробуждается, и мы жадно вдыхаем воздух свободы, наполненный когда-то беспечной жизнью.

Андрей Кузнецов, наш главный герой, молодой человек сорока лет, один из владельцев крупной девелоперской компании, которая строит «человейники», как их называют в народе, на близлежащих территориях к мегаполису, безжалостно уничтожая самобытную культуру малых поселений. Урбанизация, и нечего тут не поделаешь. Родился Андрей в таком небольшом, но уютном городке, ничем особо не отличающемся от многих других. Его мама была учителем русского языка в местной школе, пользовалась авторитетом у местных жителей и среди учеников, по этой причине с сына спрашивала в два раза больше других, отец работал научным сотруд-

ником в НИИ, был основательным и фундаментальным человеком, эти же качества старался привить и Андрею. Иного варианта, как хорошо учиться, у него не было. Окончив школу с золотой медалью, юноша поступил в престижный университет, а дальше, как говорится, — по воле случая оказаться в нужное время в нужном месте. Таким случаем для него стала встреча с известным предпринимателем, оценившим деловую хватку молодого человека, буквально бурлившего свежими идеями, а главное — способного чётко организовать процесс по реализации задуманного, про таких говорят: «женился на работе». По истечении времени Андрей стал директором и младшим партнёром в компании. Жёсткость и бескомпромиссность стали новой чертой его характера, люди превратились в инструмент для достижения поставленных целей. Он легко расставался с сотрудниками за малейшие провинности, невзирая на оправдания и приводимые аргументы, считая служебные обязанности долгом каждого работника, от неисполнения которых может освободить только увольнение. С друзьями тоже особо не ладилось, Андрей слишком доминировал, навязывая своё мнение в разговорах, забывая, что каждый человек тоже хочет быть услышанным, современнее дружбу заменили деловые партнёры, по интересам. Семьи не было, но не потому, что не было, просто не хотел себя обременять лишними заботами.

— Андрей Викторович, Андрей Викторович! — Звонок помощницы Зои застал его в дороге. — Андрей Викторович,

звонили из городской администрации. Протокол общественных слушаний по проекту «Зелёные холмы» утверждён главой поселения Маркус, его можно забрать.

Андрей имел одну страсть, машины, его парк насчитывал несколько премиальных моделей, отвечающих стилю и амбициям успешного человека. Он любил ездить сам за рулём, наслаждаясь мягкостью хода и комфортом, размышляя и просчитывая проекты, которые планировал реализовать, в обозримом будущем. Звонок застал его в дороге. Общение с главами администраций застраиваемых территорий — не уровень акционера компании, привыкшего всё подчинять своим интересам. Но, вспомнив о просьбе своей мамы заехать домой, захватить дорогие её сердцу, фотографии, нежно и бережно хранящиеся в старых альбомах, решил заехать сам и забрать протокол, тем более что ему было по дороге — на выходные он направлялся в загородный гольф клуб.

— Зоя, я сам заеду к главе и заберу бумаги. Позвони в администрацию, чтобы мне не ждать.

Был полдень пятницы. Июньский день, прогретый лучами летнего солнца, обнадёживал горожан хорошими, тёплыми выходными. Протокол общественных слушаний — это важный документ, который делает реальными перспективы строительства объекта. Его подписывают жители, давая добровольное согласие на застройку прилегающих территорий. Ну, не все, конечно, жители, а так называемый «актив», инициативная группа, которую выбирают местные обитатели,

счастливые владельцы будущих хором, наивно полагающие, что их ветхие коммунальные комнатухи по велению богато-го дяди превратятся в дворцы, что обеспечит им комфорт-ную и безбедную жизнь. Как бы то ни было, а протокол под-писан и жилой комплекс «Зелёные холмы», макет которого поселился в его кабинете, замерцал реальными цветами и красками, суля владельцам серьёзный доход.

— Это замечательно. Замечательно! «И как нельзя во-время», — вслух произнёс он, поглаживая мягкую оплётку руля, успокаивая разбушевавшиеся эмоции. В понедельник была запланирована очередная встреча с инвесторами, кото-рые заметно нервничали последнее время по поводу утвер-ждения заветного документа, затянувшегося на несколько недель. Городская администрация возражала против пред-ставленного инвестором варианта планировочного решения, настаивая на изменениях, которые напрямую влияли на со-кращение дохода застройщика. И только нажим сверху по-мог сдвинуть этот вопрос с мёртвой точки. Городской ад-министрации указали, что программа строительства школ и детских садов, утверждённая областью, должна быть выпол-нена в директивные сроки. А может, сработали и другие ар-гументы. — Ну посмотрим, Маркус, какой ты Маркус! — продолжил он, представляя, как величавым «жестом Цеза-ря» заберёт верительную грамоту из рук поверженного вра-га, ставшего протекторатом его очередной провинции.

ГЛАВА 2 ЛЁХА

— Вот чёрт! Ничего не изменилось, такой же срач! — выругался он, наступив дорогим ботинком отливавшим узором змеиной кожи, в грязную лужу, выходя из машины, и не довольным взглядом окинул старое здание клуба, в котором располагалась администрация, как на виновника произошедшего.

Лёгкий ветерок, пошевеливший его безукоризненно уложенные волосы, заставил на секунду остановиться, как будто кто-то не видимый погладил его по голове, быстро отогнав от себя едва коснувшееся его чувство, на ходу застёгивая пиджак, деловой походкой направился к дверям здания. Пренебрежительно посмотрев на расположившихся на скамейке возле ведущей в клуб лестницы двух персонажей — как принято говорить в народе, бомжей, — быстрым шагом перепрыгивая через две ступеньки, он оказался у входа. Безобидно греющие кости в лучах летнего солнца «отдыхающие» оценивающе посмотрели на шустрого посетителя и на его машину, — по их оживлению было видно, что в перегретых на солнце мозгах начал созревать хитроумный план. Локация у клуба ими выбрана не случайно.

— Главы нет!

— Что? — переспросил Андрей, глядя на говорящую колонну, как прямо перед ним нарисовалось бесформенное тело охранника: рубашка не сходилась на грузном теле ниже груди, обнажая грозное оружие, которое помогало ему расталкивать непрошенных посетителей без рук; его рабочее ме-

сто вокруг стула, стоявшего в тени, было обильно усыпано шелухой семечек.

— Руководства нет! — повторил охранник, просвечивая посетителя словно рентгеном, оценивая его безупречный костюм, ботинки, поглядывая на машину, как бы взвешивая меру дозволенного поведения.

— А когда будет? — спросил Андрей, машинально поглядев на часы.

— Не знаю, мне не докладывают.

Из дверей, вихрем выскочила девушка, прижимая двумя руками к груди увесистую папку как священную реликвию, едва не сбив успевшего еле увернуться Андрея с ног.

— Вот у Елены спросите, она секретарь, — уважительно произнес он, заправляя рубашку, оценив, что посетитель — не простой человек.

— Я за протоколом. Кузнецов моя фамилия.

— Глава на совещании градсовета. Будет после семи часов, у неё встреча с районным архитектором! — на бегу прокричала Елена. — В администрации из руководства никого нет, я срочно везу документы. Срочно! — добавила она, звонким эхом огласив округу, ловко запрыгивая во время нем убитые «жигули». Сидевший за рулём молодой человек со всей пролетарской злостью, окинул Андрея взглядом гладиатора и дал по газам. «Жигуленок» взвизгнул колёсами, пытаясь взлететь, но не смог, и резво подымая пыль, скрылся из виду, насыпав песка на лобовое стекло заграничного

конкурента.

— Жених. Женька, произнёс охранник голосом заботливого родителя.

Завибрировал телефон, издавая жизнерадостные звуки, которые Андрей постоянно менял под настроение. Поднеся трубку к уху, он шагнул в сторону машины. Споткнувшись о непонятный белый предмет, похожий на трубу, и застыл от душераздирающего крика:

— Ай-ай, как больно! Что это такое? Глаза разуй! Не видишь, куда прёшь? — прыгая на одной ноге, кричал истощенным криком потерпевший. На другой его ноге был гипс.

— Люди, это что же делается, среди белого дня людей калечат! — вопил второй, оглядывая пустую площадь и разводя руками.

— Ну всё, теперь опять идти в травмопункт к Семенычу, а он даром-то не лечит! И лекарства нынче дорогие, — выдал из себя умирающим голосом пострадавший.

— Сколько надо? — убирая телефон, озабочено спросил оторопевший от крика Андрей.

Это был каверзный вопрос, застигший врасплох потерпевшую сторону. Такая скорость улаживания конфликта устраивала «артистов». Надо было успеть до пяти часов дойти до местного сельпо, пока Людка, продавщица, она же и владелица продуктового рая, не ушла. «Трубы горели», время тикало, а по пятницам к ней заезжал ухажёр и она могла сорваться пораньше. Видны были муки на лицах просителей, тут же происходило совещание: размахивая руками, партнёры по отъёму денег показывали то на машину, то на обид-

чика. Процесс затягивался. Андрей решил перейти в эндшпиль, достал пяти тысячную купюру и как рапирист выкинул руку вперёд, наивно полагая, что Семеныч — реальный персонаж.

— Этого хватит раны зализать?

Купюр меньшего достоинства всё равно не было. Люди, которые долгое время наблюдают жизнь из окон дорогих машин, кабинетов и ресторанов, находясь в комфорте, становятся уязвимыми перед наглым и внезапным напором разного рода попрошайек и, оказавшись в несвойственной агрессивной среде, из которой хочется поскорее выйти, откупаются деньгами. Но придя в себя осознают, что их банально развели — время, как правило, ушло, а «цирк уехал». А главное, не столько жалко денег, как собственное эго, уязвленное тем, что его, успешного и умного, развели на примитиве какие-то проходимцы.

Жест обидчика вогнал пострадавшую сторону в ступор, как будто невидимое остриё рапиры ранило в самое сердце. Таких денег публика никогда ранее не видела. Страдания о бесцельно прожитом дне вмиг улетучились. В горле пересохло, произносились какие-то нечленораздельные звуки; руки ещё не верящих в своё счастье неуверенно потянулись к трофею, а проступавшие на их лицах муки и сомнения сменила благодатная и виноватая улыбка.

— Погоди-погоди!.. — сказал Андрей, и на мгновение придержал руку с купюрой, на которой сосредоточились две

пары глаз, следуя за движениями руки, словно кобра за дудочкой факира, пристально посмотрев в лицо потерпевшего, неуверенно произнёс: — Лёха? Алёшка Савельев?!

Тревога и недоумение затуманили взгляд Лёхи. С мелкой дрожью в руках, он, морщась начал чесать лоб, напрягая память и мучаясь в догадках, пытаюсь вспомнить, где и когда он мог так накосячить, что его запомнили. А тут еще над ним угрожающе нависла грузная тень охранника, готового учинить расправу в угоду нужному посетителю. В ожидании команды «фас!», он постукивал резиновой дубинкой по ладони, периодически переводя взгляд на купюру.

— Замазка!!! Это я, Андрей Кузнецов. Учились вместе. Что, не узнал?! — крикнул в несвойственной для него эмоциональной манере Андрей и огляделся по сторонам, как бы извиняясь за несдержанность. «Замазка», такое прозвище в школе было у Лёхи. Он выковыривал замаску из окон и жевал как жвачку, рассказывая наивным ученикам младших классов, что его дядя — водитель и постоянно ездит за границу. Чем вызывал уважение малышни.

— Андрюха! Кузнецов?! — расплывшись в неуверенной улыбке, произнёс Лёха, широко шагнув навстречу Андрею, раскинув руки, приглашая нежданного гостя в объятия, мыслями погружаясь в пучину будущих дружеских посиделок. В тот момент произошло ещё одно событие, оставшееся незаслуженно незамеченным: чудесное исцеления раба Божьего Алексея, который предстал перед благодетелем на двух со-

вершенно здоровых ногах. Муляж гипса, добытый утром на помойке местной поликлиники, остался валяться у скамейки.

Что-то давно забытое, одновременно тёплое и нежное, затронуло обоих, в спустившейся голубой дымке можно было рассмотреть клуб, который будто вырос, выглядел огромным, сияя свежей зелёной краской. От свежеокрашенных лавочек запахло олифой и защипало в носу. Два подростка лет тринадцати вели диалог с женщиной сильно в годах, на ее поясе была сумка с заветными билетами на сеанс в кинотеатр.

— Тётя Маша, даю вам честное слово! Нина Николаевна заболела, урок отменили. Мама придёт поздно. Ну что мне, на лавочке сидеть? А вдруг я простужусь, или, ещё чего хуже, живот забурлит? — активно жестикулируя, хватаясь за живот и корча рожи, говорил один.

— А я ключи от дома забыл. Мы потом обязательно деньги за билеты отдадим! Правда-правда! Ну пустите нас! — вторил другой.

«Тётя Маша» — с нежностью и уважением обращались к ней местные жители. Женщина трудной и трагической судьбы, она работала библиотекарем и по совместительству билетёром в местном клубе. Муж, кадровый офицер, прошёл Великую Отечественную войну, часто приходил в школу рассказывать ребятам о тяжёлых боях и военной жизни. Их сын был поздним и долгожданным ребёнком, пошёл по

стопам отца. Окончив военное училище, лейтенантом в двадцать три года погиб, исполняя интернациональный долг. Супруг слёг, обострились старые раны. Оба похоронены на местном кладбище на Зелёных холмах. Для тёти Маши работа в клубе стала спасением от одиночества. Она приходила ни свет ни заря и уходила последней, и всегда пропускала ребят, считая, пусть они лучше сидят в кино под присмотром, пока родители работают, чем слоняются на пустыре, куда нередко стали заезжать непрошенные гости, чтобы пострелять по банкам из пистолетов. Думаю, она многих уберегла от проблем. Родители это знали и радовали заботливую смотрительницу кто чем мог.

Но ритуал должен был быть соблюден! И чем краше был спектакль, тем сильнее она смеялась.

— Ладно уж, идите. Скоро начнётся. После фильма голову памятнику протрёте. И не забудьте, а то больше не пущу.

Охранник по-деловому прохаживался между колоннами. Андрей и Лёха молча стояли, соприкоснувшись плечами. Воспоминания пробудили давно забытые чувства безмятежного детства.

Лёшка Савельев рос в крепкой рабоче-крестьянской семье, мама работала дояркой в совхозе, отец трудился механиком водителем на автобазе. Все каникулы он учился слесарить у отца на работе, попутно делая предметы ширпотреба. Лучше всего получались ножи с наборной ручкой, лезвия которых он сначала вытачивал из напильников, а потом

уже, крепко сдружившись с кузнецом, сам филигранно выковывал из стали, даже сделал своё фирменное клеймо. Ножи пользовались спросом у охотников, грибников, даже приезжали из соседних районов. Стало быстро понятно, что руки у парня растут из правильного места. По той же причине местные жители стали обращаться к нему с мелким ремонтом разной утвари. Он всем помогал, а в гараже отца сделал мастерскую — машины все равно не было.

Мама умерла рано, не дожив трёх дней до его пятнадцатилетия. Поэтому Лёша не любил отмечать дни рождения,

в этот день он приходил на кладбище, сильная связь была между ними. А через год случился несчастный случай, сорвался со стапеля самосвал, задавив его отца, от полученных травм тот скончался.

Мы все привыкли в юности как обыденность ,вставая утром одевать постиранные наши вещи, пахнувшие нагретым утюгом, небрежно раскинутые вечером по комнате, утром заботливо и с любовью будут развешанные на спинке стула возле кровати, готовый завтрак на столе только что снятой со сковородки шкворчащей яичницы, занудные нравовучения отца, предостерегающие нас от неприятностей, которые мы пропускали мимо ушей, у нас были более важные дела, нас ждут друзья. И в друг в один момент всё! Теперь ты один! Мама тебя больше не когда не поцелует, нежно погладив твою шевелюру пробуждая от сна, отец не заставит утром готовить снасти для рыбалки. Лёшка не когда не забудет последний взгляд мамы, обратившийся к нему её взор источал океан любви и тревоги перед тем, как её душа отправилась в большое путешествие. Что творилось в душе молодого человека, ведомо ему одному, другой родни у него не было, мама и отец, дети послевоенного времени, воспитывались в интернате и всю свою любовь и тепло отдали единственному сыну. Обращаясь к нему с ремонтом, люди стали расплачиваться рублём, а кто чем и покрепче. На этой почве он рано познал одурманивающее действие алкоголя, но молодой организм удар держал. Тётя Маша сразу забрала Алек-

сея к себе, выдержав нелёгкую битву за опекунство, окружила его заботой и любовью, отдавая ему материнскую нежность и заботу. Очень уж похожи были их судьбы. Иногда по вечерам они плакали, обнявшись, иногда радовались. Дотянув до девятого класса, он поступил в ремесленное училище на механика водителя, там был и стол, и кров, и стипендия. Закончив учёбу и отслужив в армии, Лёха вернулся в родной совхоз и поступил на работу, где когда-то работал его отец. Периодически его фотография с неизменно скромной улыбкой появлялась на доске почёта. После смерти тёти Маши он отковал оградку и крест, её могила и могила его родителей стали самыми красивыми и ухоженными на погосте.

В начале девяностых совхоз, как и многие другие, обанкротился — земля стала «золотой». Скотина пошла под нож, коровники превратились в руины, здание управления зияло пустыми оконными проёмами, окна и двери растащили дачники, как саранча нахлынувшие на просторные посевные когда-то луга, удобренные и ухоженные многолетним трудом местных жителей. Работы не стало, Лёха вспомнил о чарующем действии алкоголя, уходя от свалившихся проблем, перебиваясь временными заработками. И, как мы видим, уличными представлениями — не зря педагог по русскому и литературе, и по совместительству режиссёр школьного театра, рассмотрела в нём молодое дарование.

— Ну как ты? — поинтересовался Андрей.

Лёха, немного помявшись, обнял его, по-дружески похло-

пав по спине. Они уже не могли оторваться друг от друга, подогреваемые желанием общения, и направились в сторону припаркованной машины. Пройдя несколько шагов, друзья остановились возле памятника Ленину.

— А ребята? Кто ещё здесь из наших, знаешь?

— Многие уехали, как совхоз разорили. Но кое-кто остался. Сидят караулят, — справившись с волнением, наконец ответил Лёха.

— А дедушка Ленин всё стоит. Нипочём ему ни снег, ни морозы! Страны уж нет, а ему всё нипочём. Помнишь, как тётя Маша заставила нас лысину ему отмывать от голубинового говна? Ты тогда своими сандалами мне всю рубашку измазал и порвал. Билеты отрабатывали, — хлопнув по памятнику, произнёс Андрей.

Оба засмеялись.

— Да, голуби дедушку любят, а мыть некому. Смотри, как поседел, бедный. Ну всё, дедушка, недолго тебе осталось. Скоро приедут экскаваторы, и тебя снесут, и клуб снесут, всё снесут. Им, извергам, только нажива важна, им плевать на простой народ, на нашу душу. Понимаешь? — Лёха театрально ударил себя в грудь, чтобы усилить впечатления от страданий. — А ты, смотрю, в порядке? — кивнув головой в сторону машины, спросил он.

— А, это?.. Нет... Попросили заехать забрать документы.

— Тоже, значит, на толстосумов спину гнёшь? — сочувственно кивнул Лёха.

— Так есть кто-то из нашей компании?

— Я ж сказал: почти все. Сидят караулят.

— Кого, чего караулят-то?

Лёха заговорщицки нагнулся к Андрею:

— У нас тут такие дела, такие дела разворачиваются! За-страивать будут Зелёные холмы, нас будут расселять. Ну, мы решили растряссти этого толстосума на законные метры, мы изучили вопрос досконально! Никуда он не денется, всё всем отдаст как миленький! Этот тип полстраны надул и деньги заграбастал. Мы справки навели. Слышал, «МММ» был? Пропавшие миллионы так и не нашли. Но о нас-то он зубы обломает, не бойсь! У нас герой есть. Настоящий! Против него не попрёшь.

Лёха вёл беседу, жестикулируя как учёный секретарь, напуская туману и опуская тайную завесу на произносимые им слова.

— Да-а-а?.. Какие молодцы! Поделишься тайной? Не забудь потом подробней рассказать. А знаешь, давай соберёмся на старом месте, в беседке у коробочки. Беги собирай ребят. А я в магазин, куплю чего-нибудь перекусить. Нога не болит справишься? — улыбнулся Андрей, посмотрев на его чудесным образом исцелившуюся ногу.

— Стой... Это... — Лёха звучно щёлкнул пальцем по горлу, внося дополнения в будущее меню, а для усиления важности вопроса, добавил: — Я-то что? А ребята не поймут, столько лет не виделись.

— Ладно, захвачу, — кивнул Андрей, удивляясь, как стремительно его принципы теряют позиции. В двадцать четыре года, будучи стажёром, он впервые познал действие алкоголя, чрезмерное употребление которого закончилось сильной головной болью и жуткими душевными терзаниями о недостойном, мягко говоря, поведении. С тех пор он ни разу не употреблял спиртного, чётко понимая, что потеря контроля приводит к большим проблемам. Бутылка с премиальной минеральной водой всегда была у него под рукой.

— Только поторопись! А то Людка скоро свалит. Придётся в город за хавчиком ехать, — крикнул Лёха садящемуся в машину благодетелю, так неожиданно появившемуся на горизонте, казалось бы, уже безнадёжно потерянного дня.

— Какая Людка?

— Акишина, помнишь? Ну, «Шэрон Стоун»! Она в магазине верховодит, крутая вся из себя, половина посёлка у неё на карандаше!

Тетрадки в сельских магазинах, где под запись можно было перехватить продуктов до зарплаты, всем хорошо знакомы. У таких, как Лёха, кредита не было.

ГЛАВА 3 ЛЮДМИЛА

У многих в жизни бывали случаи, когда чувствуешь, что время будто остановилось, жизнь замерла, все звуки на мгновение умолкли, а всё вокруг происходит как в замедленном кино. Войдя в магазин, который прилип к автобусной остановке на разворотном круге, Андрей, вдохнув полной грудью запах ирисок, тёплого чёрного хлеба, хозяйственного мыла вперемешку с дешёвой парфюмерией, погрузился в это состояние, приоткрыв дверь во временной портал.

За прилавком стояла женщина в неизменном сине-голубом фартуке, дресс-код советского образцового работника торговли. Статус подтверждала грамота райисполкома, висевшая на полке с алкоголем — только там было свободное место, товар долго не задерживался. Белый на кокошник поддерживал волосы, спадавшие от частых наклонов под прилавков, в святая святых советской торговли, где по тем временам находился дефицитный товар, аккуратно завёрнутый в бумагу для нужных и уважаемых людей, появление которого на праздничном столе добавляло статусности и уважения его обладателю. Распахнутые коробки с «ирисками», тут же развешены предметы верхней и нижней одежды, огромное количество жестяных банок на полках и открытая банка селёдки иваси — во всей красе предстали перед его взором. Двое мальчишек топтались у прилавка, считая мелочь, чтобы стать счастливыми обладателями конфет, ко-

торые служили разменной монетой. Фантики сворачивались треугольниками — для игры на переменах. Необходимо было стремительно выскочить после звонка из класса и занять место у подоконника.

— Мужчина, мужчина! Что брать будете? Не в музее, — произнесённые низким женским голосом слова выдернули Андрея из путешествия.

— А, да. Прошу прощения... — повернувшись к обладательнице редкого женского контральто, произнёс он.

— О, боже ты мой, вы посмотрите! Кто это?! — всплеснув руками и хлопнув в ладоши, воскликнула чудо-женщина, стоявшая за прилавком, явно ждавшая этого момента. Чудо — потому что это полностью собирательный образ. Элементы брендовых производителей одежды отсвечивали фирменными наклейками, как костюм гонщика Формулы-1. На лице прослеживались следы ранних вмешательств пластических хирургов. Огромный бюст, безжалостно подвергнутый тюнингу, готов был выскочить из плена тесного декольте, благодаря чему мужское население не раз уходило, забыв сдачу. Деньги водились, вкуса не было, нереализованные девичьи мечты и завышенное самомнение привели к усталости от жизни в сорок лет.

— Ну, привет-привет. «Звезда экрана», похитительница мужских сердец, — разглядывая полки, произнёс Андрей, вздохнув то ли от скудости ассортимента, то ли от незнания, что брать. Или же от разочарования, что стоявшая за при-

лавком угасающая женщина когда-то была не только «мисс Вселенной» для всех пацанов на районе, но и лидером, который изменил их сознание, благодаря чему все они стали иначе смотреть на окружающий мир, навсегда избавившись от догм и запретов советской системы.

В самом начале девяностых годов воздух был буквально наэлектризован бунтарскими идеями всё поменять. С экранов телевизоров лилась правда, за которую ещё вчера можно было угодить в места не столь отдалённые. Открывались кооперативы, стихийные рынки, ларьки, доверху набитые ещё некогда запретным, и по стоимости недоступным для простого обывателя товаром, зачастую отвратительного качества. Звучала зарубежная музыка. Через многочисленные видеосалоны хлынули шедевры мировой кинематографии вперемешку с дешёвым ширпотребом, будоража неокрепшие умы подростков. В этом смысле наш городок не отставал от новых тенденций, и даже остановка превратилась в мини-рынок. Видеосалон открылся в клубе, в самом святом для каждого подростка месте, прошедшего школу пионерии и комсомола, — в Ленинской комнате. Здесь вместо бюста вождя мирового пролетариата водрузился новый идол, надолго ставший главным украшением всех жилищ, властелином умов многих поколений, без которого они уже не будут представлять себе жизни, находясь под гипнозом его единственного голубого глаза. Заняв трон, телевизор торжественно восседал на столе, говоря, что тело предшественника ка-

нуло в прошлое безвозвратно.

Школа была последним бастионом, державшим оборону и уберегавшим молодёжь от сваливания в полный неконтролируемый хаос вседозволенности. Бессменным главнокомандующим местного школьного учреждения была директор Вера Васильевна — заслуженный педагог, преподаватель истории. Коммунистическая идеология марксизма-ленинизма — фундамент, на котором она стояла, искренне веря, что только жёсткая дисциплина и регулярное промывание неокрепших мозгов может удержать необузданную энергию молодого человека и направить её в созидательное русло. Единая школьная форма сглаживала нарастающее материальное неравенство в обществе, удерживая в общепринятых рамках учеников — по крайней мере, в стенах учебного заведения. А для выявления нарушительниц, тайком укорачивающих юбки до недопустимой длины выше колен, служила деревянная линейка, с которой директор утром встречала учащихся на входе в школу, замеряя длину юбки и устраивая выволочку за каждый сантиметр, что влекло за собой исправительные работы или немедленный вызов родителей — в зависимости от степени отклонения от принятых стандартов. Система скрипела, но держалась из последних сил. Всё изменил один день.

Людмила была обычной девочкой-подростком, со своими мечтами и грёзами, как все её сверстницы. Один только аспект отличал её от многих других: мама работала директо-

ром местного магазина. И пока многие мучились с проблемами, где чего достать, у Людмилы это уже было, включая модные журналы, зарубежные побрякушки, шмотки и косметику. По-современному говоря, она была в тренде новых тенденций. Тонкие черты лица и стройная фигура выгодно отличали её от сверстниц, женские формы девочки были развиты не по возврату, вызывая повышенный интерес у противоположного пола, выражавшийся весьма типично для подростка: громко выругаться матом и смачно плюнуть себе под ноги при её появлении, а потом скорчить презрительную физиономию ей в спину. На большее решимости не хватало. Людмила была не только красивой, но и дальновидной девочкой: она периодически снабжала старшеклассников дефицитом, импортными сигаретами и жвачкой, как испанские колонисты одаривали индейцев всяким барахлом, обеспечивая себе надёжное прикрытие в тылу.

— У мамы есть надёжные ребята, готовые неформально решать вопросы, — говорила она, остужая горячие головы «туземцев».

Насмотревшиеся боевиков в видеосалонах, пацаны понимающе кивали головой. Так что ловить молодой поросли было нечего, разве только жестами выражать свои неудовлетворённые желания.

Простой случай повлиял на великолепное преображение, мозг девушки был готов к переменам, в один момент превратив её в символ свободы, восхищения и подражания. На

просмотре культового фильма «Основной инстинкт» с участием Шэрон Стоун и Майкла Дугласа она долго после окончания сеанса сидела на стуле, пальцами вытягивая из причёски «сено на голове» окрашенные в разный цвет пряди волос, с отвращением разглядывая свои джинсы-варёнки, оттягивая пятнистую ткань от тела, извиваясь как змея, которая пытается сбросить свою кожу. Молча встав, направилась по направлению к выходу. Её походка преображалась с каждым шагом, повторяя в точности грациозную поступь главной героини фильма. Гагик, владелец салона, вскочил и жестом Дракулы распахнул двери клуба, готовый унести красавицу в замок. Однако, опасаясь, что видеомэгнитофон могут спереть, его обычно убирали в сейф после сеанса, «Дракула» замешкался.

Наутро жужжащий как улей школьный двор замер, словно оркестр по велению невидимого дирижёра. Сказать «в изумлении» — не сказать ничего. Это было что-то большее, непонятное, новое и неизвестное — манящее за горизонт вседозволенности чувство полной свободы, которое пробудило сознание подростков. Все взоры устремились к появившемуся на дворе женскому силуэту. Светлые волосы беспорядочно спадали на открытые плечи, облегающее белое платье подчёркивало каждый изгиб молодого тела и заканчивалось в самом запретном месте, в руке диво несло маленькую белую сумочку. Высокие каблуки её туфель подло проваливались в щели между плитами, которыми был выстлан школьный двор, доставляя дискомфорт «звезде». Однако на это никто не обращал внимания. Двор продолжал пребывать в полном ступоре.

На пороге школы встретились два времени — уходящее в историю и совсем молодая эпоха, неизвестная, никому не понятная, полная ожиданий и надежд. В какой-то момент Вера Васильевна оказалась в полном недоумении, приняв входящую за посетителя. Но, спешно сориентировавшись, схватила линейку, словно волшебный жезл, изгоняющий нечистую силу, и направила невидимый испепеляющий луч туда, где, по мнению педагога, должен был находиться край ткани, прикрывающей срам. Поняв, что измерить то, чего нет, нельзя, директриса замешкалась, ища взглядом поддержку кол-

лег. Воспользовавшись возникшей паузой, «Звезда» преодолела преграду и продолжила своё шествие по воображаемой красной дорожке, ловя изумлённые взгляды поклонников.

Зайдя в класс, «Шэрон Стоун» грациозно присела на стул, показывая готовность дать интервью воображаемым журналистам. Однако интервью состоялось лишь на перемене, в женском туалете, где «пресса» узнала, что для более точного соответствия оригиналу и полного перевоплощения трусы были сняты в последний момент перед выходом из дома. Занятия были сорваны по причине экстренного сбора учителей в учительской для выработки стратегии и принятия неотложных мер под предводительством директора, по школьному радио включили патриотическую музыку.

Срочный вызов мамы к директору школы не застал врасплох почётного работника торговли. Прихватив коробку шоколадных конфет и батон дефицитного сервелата, с чувством «сейчас всё решу», она направилась в школу. Это было самое быстрое родительское собрание в истории, наверное, не только данной школы, но и во всей педагогической практике: на нем не произнесли ни единого слова. На столе директора всё было готово для расправы. Массивный журнал, дневник провинившейся, линейка, которую помнили руки подавляющего большинства учеников, угрожающе возлежали на зелёном сукне, белоснежный носовой платок сиротливо разместился на краю стола как символ милости к расквашенной жертве. В приёмной сидела группа поддержки —

завуч и трудовик. Увидев входящих, Вера Васильевна поднялась, опершись кулаками о стол, и направила испепеляющий взгляд в адрес нарушительницы всех устоев, защите которых она посвятила всю свою жизнь. От увиденного мама Людмилы впала в конфуз. Глядя на зловещее лицо директрисы, принялась неуклюже раскланиваться, держа коробку конфет и сервелат под мышкой, только что не говоря «ваше благородие, не обессудьте».

Ситуацию разрядила сама Людмила, образ героини фильма полностью завладел её разумом и телом. Ловко схватив стул, она чётко водрузила его напротив директора и трудовика, который к тому времени незаметно проскользнул к столу, следуя сценарию Веры Васильевны. Он стоял, не дыша по стойке «смирно!», сжимая плотницкий циркуль в руке, дабы скрыть утреннюю похмельную дрожь. Усевшись на стул, Людмила достала сигарету, зажав её между двумя пальцами, произвела перекрёстное движение ногами, ставшее культовым благодаря блестящей игре, Шэрон Стоун. Все замерли. Очки трудовика запотели, солнце, всё это время светившее за окном, стыдливо спряталось в тучи. Лицо Веры Васильевны в мгновение исчезло, перед всеми стояла просто пожилая женщина, вызывающая жалость и сожаление. Она устало осела на стул, заботливая рука трудовика придержала сражённую от падения. Битва была проиграна, школа больше никогда не будет прежней!

— Смотрю, так-то нормально поднялся? — оценив костюм Андрея и поглядывая в окно на шедевр зарубежного автопрома, припаркованный напротив магазина в тени дерева, сказала она, вознося бьюст на прилавок, как грозное оружие, и вытаскивая жвачку изо рта.

— А, это?.. Так, просили документы из администрации забрать.

— Курьер, значит?

— Ну, типа того.

— Нормальная у вас, у курьеров, смотрю, спецодежда — костюм от «Бриони», туфли «Армани», да и разъездная машина тоже так ничего. Последняя модель, смотрю, — с иронией произнесла Людмила, обиженная невниманием к её персоне и равнодушием к её профессиональным познаниям в сфере современных брендов, модных тенденций и физиогномики. — Подскажешь местечко? Может, и я устроюсь?

Разговор не зашёл с самого начала.

— Да нет, я руковожу отделением в компании. На жизнь хватает, бонусы хорошие. А машина... Машину, так вышло, срочно надо было ехать, шеф дал. Люда, Людок! — наконец отложив очередную банку, очнувшись, произнёс он. — Мы тут с ребятами решили собраться на нашем месте у корбочки. Ну, помнишь?.. Пообщаться, повспоминать. Сколько времени прошло, сколько воды утекло за двадцать лет... Да, целых двадцать лет... Можешь собрать нам перекус? Ну и что-нибудь для поднятия настроения.

Женское самолюбие было задето за живое. Обида бурлила в груди, два бильярдных шара готовы были выскочить из декольте и выбить страйк. Так с ней, с владелицей местного гастрономического рая, благодетельницей обиженных и обделённых, никто не разговаривал. Включив профессиональную улыбку, понимая, что пред ней абсолютный вдуплёныш в области гастрономии, Людмила решила разгрузить склад от неходовового и залежалого товара разом.

Поднимая тяжёлые сумки, обернувшись к ней, Андрей предложил:

— А давай с нами? Приходи! Помнишь, как раньше, а? Разбавишь наше мужское общество. Будет что повспоминать — ты же наша «Шэрон Стоун». Не забыла?

То ли от тяжести сумок, то ли от нахлынувших воспоминаний голос Андрея прозвучал вибрирующее, как на первом свидании, и попал прямо в сердце «отравительнице». Лёд в её груди растаял, сердце участило ритм, кровь прилила к голове, щёки залились румянцем.

— Ну, спасибо. Есть маленькое дельце. Если успею, приду, — снимая дежурную улыбку, сказала она, включив скрытые нотки своего контральто, меняя гнев на милость. Понимая, что возвращать сумки с несъедобными продуктами не комильфо, задумалась, и машинально поглядела под прилавок.

ГЛАВА 4. Славик

На удивление, беседка стояла целёхонькой, чья-то заботливая рука аккуратно поменяла дощечки на лавочках, стол, стоявший посередине, не был обделён заботой, был отремонтирован и покрашен. Взгромоздив тяжёлые пакеты на лавочку, Андрей погладил столб на входе в беседку, исписанный, изрезанный обещаниями и клятвами в вечной любви и верности не одного поколения. У хоккейной коробочки, или, правильно сказать, у того, что, в отличие от беседки, от неё

осталось, курил человек в выцветшем маскировочном костюме с выдавшим виды вещевым мешком на плече. Заметив Андрея, он зашёл в беседку, по-хозяйски водрузив мешок на стол, уселся рядом с поставленными пакетами и бесцеремонно стал изучать их содержимое. Пару банок сразу были отставлены на край лавки.

— Ну, Людка! Вот шельма. Что вы там не поделили, дру-
ги? Али прошлые обидки жить не дают? Может, я чего-то не
знаю? Ну вот что?! Что надо было сказать бабе такого, что-
бы она такой гостинец втюхала? Это ж мина замедленного
действия, после неё сразу в больничку! А впрочем, ты как
был Кузя, так и остался. Не признал? Привет, Андрюха. Вя-
чеслав я. Вспомнил? — Встав, он сжал Андрея в объятиях и
приподнял от пола. — А я смотрю: ты это, не ты?.. А то Лёха
человек ненадёжный, мог и выдумать ради ста грамм.

Вячеслав, Славик, как его звали в школе, рос в крепкой,
работающей семье, вместе со старшей сестрой. В восьмиде-
сятые годы было модно строить в совхозах трёхэтажные па-
нельные дома, переселяя сельчан из покосившихся от вре-
мени изб без воды, газа и отопления, с туалетом во дворе, в
комфортабельные квартиры со всеми удобствами наступаю-
щей на пятки цивилизации. Переселение шло активно, отда-
вая дань времени: пожилое поколение уже не могло, а моло-
дое не хотело мириться с неудобствами. Тем более что сов-
хоз сохранял приусадебные участки за будущими переселен-
цами, понимая, что земля — это не роскошь, а средство вы-
живания для многих сельчан, все жили огородами, откарм-
ливали поросят и бычков, сдавая мясо на мясокомбинат или
закручивая на зиму тушёнку. Участки, примыкающие к но-
вым домам, не избежали участи мини-огородов. Несмотря на
уговоры, семья Славика осталась в родительском доме. Его

отец работал главным механиком на автокомбинате при совхозе, был цельным, рачительным человеком, крепким хозяйственником — на складах у него был полный порядок, всё по ранжиру, «как в аптеке». Техника постоянно находилась в рабочем состоянии, блестела как пряжка у солдата. Требуя от водителей постоянного ухода за машинами, хлопая по капоту рукой, отец Славика нравовучал нерадивых водителей и механиков:

— Это же твоя кормилица, как ты не понимаешь? Ей забота нужна, уход, а техника потом сама тебе спасибо в дороге скажет.

Зная привычку некоторых горе-работников выпить, он всячески старался пробиться к их сознанию, не «вынося ссоры из семьи», а ценным работникам пробивал премии и путёвки, ратуя перед начальством.

— Они у тебя как на курорте живут, из десяти путёвок на море шесть забрал! — высказывался ворчливо председатель.

— А когда страда, так тебе план давай?! В кабинах плюс тридцать, по двадцать часов без перерыва — это ты как понимаешь, нормально? У меня каждый кадр на вес золота, я тебя хоть раз подводил?

И это была чистая правда, люди, видя его заботу, платили такой же монетой. Мама Славика была домохозяйкой. Огород, скотина, дом — всё было на ней. Погреб ломился от заготовок, в огороде порядок как в оранжерее, дети каждый день как с картинки, всегда с чистыми накрахмаленными во-

ротничками и в отутюженных брюках и платьях, что выделяло их из общей массы.

— Любо-дорого посмотреть! — нахваливала директор школы.

Славик с детства был хозяйственным, весь в отца, таким маленьким мужичком. Понимая, что только трудом можно чего-то добиться, в то время как сверстники гоняли балду, из-под палки и нехотя занимаясь делами по дому, он чётко, как танк, двигался по своему расписанию: без лишних напоминаний кормил скотину, косил траву, плотничал с отцом на доме, распахивал огород. И всё-то у него спорилось, и всё-то у него шло в гору. По причине своего характера всегда ответственно подходил к поручениям в школе. Что и сыграло с ребятами злую шутку — именно шутку, потому что без смеха и слёз вспомнить невозможно, даже по прошествии времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.